

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

Муляж конституции

Зачем принимать новую Конституцию, если действующую можно просто отложить в сторону?

Петр Саруханов / «Новая газета»

17:00, 5 августа 2026,

Леонид Никитинский

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

День Конституции напомнил мне усопшей бабушки портрет: портрет висит в парадной комнате, а бабушки давно уж нет.

Поэт Игорь Губерман уже всё сказал, и сегодня к этому не было бы смысла возвращаться, если бы на недавно завершившемся Петербургском юридическом форуме (ПМЮФ) не прозвучали призывы снова переписать Конституцию.

Константин Малофеев, явившийся на ПМЮФ в ипостаси ведущего научного сотрудника Института государства и права РАН, заявил, что поправки к Конституции 2020 года отметили только половину пути — пора взяться за ее неизменяемую главу 2, которая закрепляет «насквозь либеральные» права и свободы человека, не уделяя должного внимания обязанностям.

Министр юстиции Константин Чуйченко предложил изменить статью 2 Конституции «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». По мысли Чуйченко, высшей ценностью должно стать сильное государство, так как только оно способно защитить граждан.

Бывший главный военный прокурор, а ныне директор Института государства и права академик Александр Савенков раскритиковал часть 2 статьи 13 Конституции: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». О том же говорили и другие выступавшие на форуме.

Здесь собираются официально признанные «сливки» юридической профессии. Чем же им так мешает книжечка в

мягкой обложке под названием «Конституция», на которую судьи, сотрудники силовых ведомств и Минюста с благословения Конституционного суда научились просто не обращать внимания? Зачем ее переписывать, тем более что изменить первые две главы можно не иначе, как приняв новую Конституцию?

Профессор Михаил Краснов, участник конституционного совещания 1993 года, а впоследствии помощник президента Ельцина по правовым вопросам, разделяет понятия «конституция» и «конституционализм». Хотя лексически второе является производным от первого, проявления конституционализма появлялись задолго до того, как в конце XVIII века были приняты первые конституции в современном понимании этого слова.

В самом общем виде конституционализм — это принцип ограничения власти.

Одним из первых таких документов стала Великая хартия вольностей (Magna Charta Libertatum), подписанная королем Англии и баронами в 1215 году. Хартия впервые провозгласила, что власть короля не выше законов, и ограничила эту власть путем введения в политическую систему совета королевства и комитета 25 баронов. С другой стороны, свободные граждане получили гарантии от произвола и несправедливого преследования, а также право свободно покидать страну и возвращаться в нее. (Magna Charta и сегодня является частью неписаной Конституции Великобритании.)

Фото: Майя Жинкина / Коммерсантъ

Идея ограничения абсолютизма с помощью общественного договора (задолго до того, как Томас Гоббс и Джон Локк ввели в оборот сам этот термин в XVII веке) легла в основу законов многих европейских стран. «Договор», который в Средние века нередко имел писаную форму, четко закреплял, с одной стороны, полномочия суверена, за пределы которых он не мог выходить, а с другой — гарантии прав подданных (в том числе и в первую очередь — от произвольного преследования). Такая двойная конструкция характерна для уставов средневековых городов, а вече Великого Новгорода в 1136 году изгнало князя Всеволода, поставив ему в вину, в частности, то, что он не заботился об интересах города и «не берег смердов».

В рамках проявлений того, что мы сегодня называем конституционализмом, вызревала идея конституции как единого документа высшей юридической силы. Первой

конституцией в современном смысле слова стала Конституция США, принятая в 1787 году вслед за Декларацией независимости (1776). Эта Конституция очерчивала устройство власти на основе принципов разделения властей и федерализма. В 1791 году она была дополнена первыми 10 поправками, регламентирующими права граждан и их гарантии (Билль о правах).

В 1791 году на Учредительном собрании была принята и Конституция Франции, закрепившая принцип разделения властей, предложенный французскими просветителями. С тех пор Франция поставила рекорд, приняв 15 конституций и внося поправки в каждую из них. Однако изменение формы правления (конституционная монархия, президентская или парламентская республика) не влияло на общий дух конституционализма, на объем и характер прав граждан.

Россия начала XIX века отнюдь не оставалась в стороне от этих процессов. В тайных обществах декабристов было разработано два проекта конституции различной степени радикализма (Никиты Муравьева и Павла Пестеля). В это же время ближайший помощник Александра I Михаил Сперанский также готовил конституционные реформы, проекты которых пригодились уже после смерти Сперанского только Александру II.

Революция 1905 года вынудила Николая II издать ряд конституционных указов, в том числе о создании Государственной думы Российской империи. За это на специальной сессии ПМЮФ царь был подвергнут критике, как годом ранее — попавшие под «иностранный влияние» декабристы.

Конституционный процесс был прерван захватом власти большевиками: уже в 1918 году Всероссийский съезд Советов принял первую «Конституцию рабочих и крестьян», но в ней

прямо провозглашалась диктатура пролетариата без каких-либо ограничений.

Конституции СССР 1936 и 1977 годов, как и принятые на их основе конституции союзных республик, содержали статьи о личных и политических правах человека, но вплоть до перестройки никто не рассчитывал на их реальное применение.

Мы не будем далее углубляться в историю — важно, что Россия вплоть до Октябрьской революции 1917 года шла в европейском правовом русле и ничем принципиально не отличалась от западных стран, лишь немного запаздывала.

Фото: Егор Алеев / ТАСС

Подтвержденное число жертв расстрелов во время недавних волнений в Иране — четыре тысячи человек. Возможно, много больше. Между тем Иран имеет конституцию, которая даже закрепляет за его гражданами «демократические права»: «Митинги и шествия свободны... при условии, что они не нарушают принципы ислама» (статья 27). Здесь же статья 24: «Свобода печати и свобода мнений гарантируются при условии, что основополагающие принципы ислама или права сообщества не будут оскорблены».

Как мы видим, мысль о дополнении конституции идеологическим содержанием, высказанная на ПМЮФ, неоригинальна. Да во многом это и так уже было сделано поправками 2020 года.

В XX веке суверенным государствам, включая бывшие колонии, стало неприлично не иметь конституции. Но ее наличие не тождественно режиму конституционализма. Здесь точнее использовать другое название конституции: «основной закон». Основной закон закрепляет механизм государственного устройства, перечисляет высшие органы власти и очерчивает их компетенцию, но политический режим может не основываться на принципе разделения властей и не предоставлять реальных гарантий прав человека.

Пользуясь термином Краснова (см. выше), это мнимый конституционализм, «основной закон» выполняет роль конституции только наполовину: устанавливает форму правления, но не содержит ограничений для власти.

В конце концов, конституция может просто игнорироваться. Нацистский режим функционировал формально в рамках Веймарской конституции 1919 года, одной из самых демократических для своего времени. Гитлер обходил конституцию с помощью трех нормативных документов, принятых в 1933 году: его собственного указа о поджоге рейхстага (этим указом были приостановлены ключевые гражданские свободы), законов о чрезвычайных полномочиях и «Об обеспечении единства партии и государства».

В работах либеральных юристов, посвященных российской Конституции 1993 года, мы найдем указания на ее «родовую травму». Основной закон принимался в условиях жесткого противостояния президента Бориса Ельцина и Съезда народных депутатов, который успел внести в действовавшую тогда Конституцию РСФСР 1978 года в части государственного устройства столько поправок, что это самое устройство на ходу разваливало страну. Поэтому после событий октября 1993 года и подавления бунта парламента на референдум 12 декабря был вынесен проект Конституции, баланс сил в которой был сильно смещен в пользу президента.

Поправки к Конституции 2020 года еще более усилили этот перекос: для одних это «родовая травма», а для других, напротив, врожденное преимущество «политической воли» (из выступления на ПМЮФ). Но в части прав человека Конституция 1993 года тоже не с неба свалилась — она соответствует, как было показано выше, давней российской и европейской традиции.

В 1988–1993 годах права и свободы граждан — в первую очередь свобода слова и печати, шествий и демонстраций, которые были закреплены в Конституции РСФСР лишь формально, — обрели живую плоть и даже успели стать своего рода традицией. Борис Ельцин при всех его «загогулинах» был демократом и твердо стоял на позициях прав человека.

Инерция перестройки не могла не обусловить появление в Конституции 1993 года статьи 1:

«Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» и статьи 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». А также главы 2, где эти демократические права и свободы закрепляются подробно.

Однако в путинской России государство, не меняя текстуально главы 1 и 2 Конституции, вело планомерное наступление на права человека. В законодательном плане это выражалось наиболее ярко в постепенном разрыве с Советом Европы и развитии дискриминационного законодательства об «иностранных агентах», а в правоприменительном и организационном — в разгроме площадок, то есть тех структур гражданского общества и СМИ, которые отстаивали идею прав человека, «чуждую особому пути России».

Сергей Савостьянов / ТАСС

В 2023 году Сергей Гуриев* и Дэниел Трейсман выпустили книгу «Диктаторы обмана: новое лицо тирании в XXI веке». Авторы заметили общую историческую тенденцию к замене прежних диктатур страха более современными диктатурами обмана, в рамках которых диктаторы (разной степени жестокости) используют симулякры демократических институтов, манипулируя в первую очередь массовой информацией. Такая диктатура обмана нуждается в конституции как главной ширме, прикрывающей беззаконие.

Но эта тенденция знает и исключения, обусловленные тем, что обман не может длиться слишком долго — запутываясь в собственной лжи, диктатор снова смещается от диктатуры обмана к диктатуре страха.

На пути политических репрессий, к которым он вынужден прибегать, диктатору страха мешает не конституция, которую, как мы показали, можно просто игнорировать, а конституционализм — как феномен правосознания, тоже своего рода идеология, успевшая пустить в России глубокие корни.

Провластные юристы проводят, в сущности, простую и даже в некотором смысле честную мысль: хватит прикидываться, будто Россия — правовое и демократическое государство (статья 1 Конституции) и будто человек, его права и свободы являются для него высшей ценностью (статья 2). Пора срывать маску и откровенно возвращаться к диктатуре страха.

В то же время надо понимать, от какого наследия они призывают отказаться. Это путь от цивилизации к варварству. Многие участники ПМЮФ, я надеюсь, доживут до времени, когда им станет стыдно.

Этот материал вышел в двадцать первом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

* Минюстом РФ признан «иноагентом».